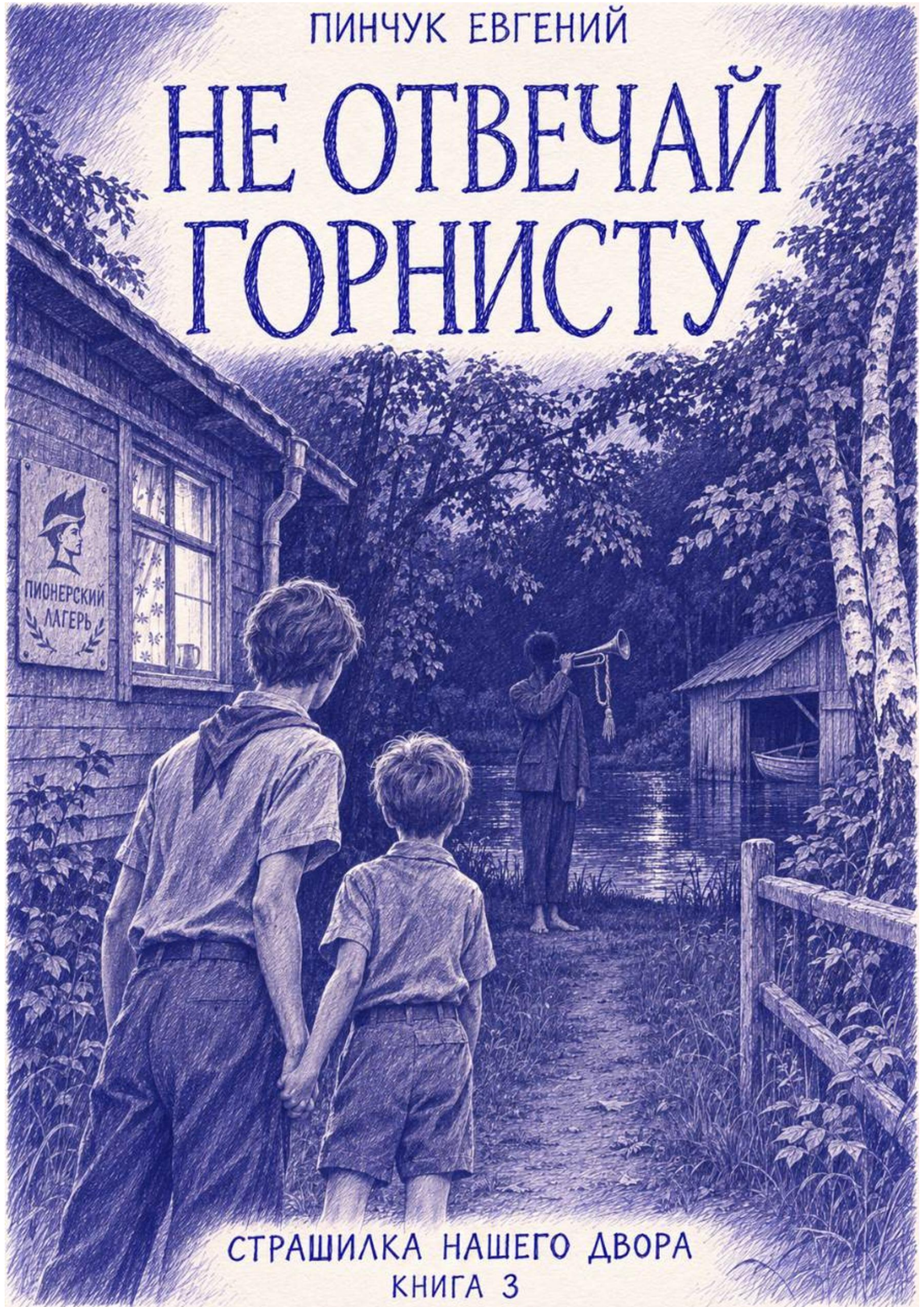
ПИНЧУК ЕВГЕНИЙ

НЕ ОТВЕЧАЙ ГОРНИСТУ

СТРАШИЛКА НАШЕГО ДВОРА

КНИГА 3

Евгений Пинчук

Не отвечай горнисту

«Автор»
2026

Пинчук Е. В.

Не отвечай горнисту / Е. В. Пинчук — «Автор», 2026

Подмосковье, июль 1977 года. Пятнадцатилетний Дима Лапин приезжает в пионерлагерь вместе с младшим братом. В музыкальной комнате находят старый помятый горн. В первую же ночь он звучит у спального корпуса. Один из мальчиков отвечает на зов.Утром он ещё умеет читать, шутить и собирать чемодан. Только собственное имя кажется ему чужим, а приехавшую мать он встречает вежливым «здравствуйте». Вскоре то же самое происходит с Диминым братом.Дима пытается удержать Сашу рядом: напоминает о доме, о разбитом буфете, об их ссорах. Саша внимательно слушает истории о незнакомом мальчике. По ночам возле лагеря видят босого человека с горном. Он ждёт у тропы к реке, и ответившим всё сильнее хочется пойти за ним.В старой тетради лагерного завхоза есть записи о таких детях. Дима ищет среди них хоть одно свидетельство, что брата можно вернуть. А потом замечает, что сам начинает забывать.

© Пинчук Е. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 4 12
Глава 5 14
Глава 6 16
Глава 7 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Евгений Пинчук
Не отвечай горнисту

Пинчук Евгений
Страшилка нашего двора
Книга 3
Не отвечай горнисту
Повесть
Подмосковье 1977 год

Глава 1

Медная вмятина

Саша всю дорогу держал на коленях пакет с моими ботинками. Свои вещи он сдал в багаж, а эти забрал в автобус в последнюю минуту: боялся, что шнурки зацепятся за чужую сумку. Я несколько раз предложил поставить пакет под сиденье. Брат мотал головой и прижимал его локтями, будто внутри сидело что-нибудь живое. На поворотах ботинки стукались о железную стенку, и сидевший впереди мальчик всякий раз оборачивался.

Дома мама сказала, что мы будем в разных отрядах. Сказала при Саше, хотя я просил обсудить это отдельно. Мне пятнадцать, ему девять, он вечно ходит за мной по квартире и без спроса трогает проигрыватель. На четыре недели я хотел от него отдохнуть. Мама работала в две смены на почте, отец уехал с геологами до сентября. Она посмотрела на меня поверх раскрытого чемодана и попросила только одного: иногда узнавать, как у него дела. Саша в это время усердно завязывал пояс халата, который ему в лагере не понадобится. Я сказал, что узнаю, и сразу пожалел о своём раздражённом голосе.

На остановке перед автобусом он попросил меня поменяться значками. У него был круглый, с нарисованным мишкой, у меня металлический самолёт. Самолёт подарил отец, я дорожил им и даже не стал слушать, зачем Саше нужен обмен. Он объяснил всё равно: если значки останутся друг у друга, мы будем помнить, что приехали вместе. Я сказал, что и без мишки не забуду. Брат засмеялся, будто это была шутка, и приколол свой значок к внутреннему карману. Мама видела разговор. Поправила мне воротник и ничего не сказала, хотя я ждал, что заставит уступить. Теперь я думаю, она тоже хотела отпустить меня в лагерь отдельным человеком, хотя бы на несколько часов. В автобусе я не заметил, как Саша снял мишку и положил в пакет с ботинками. Нашёл его только потом, разбирая вещи. Значок так и ездил со мной всё лето, не спросив моего разрешения.

Лагерь назывался «Рябиновый берег». Автобус долго тащился мимо дачных заборов, потом свернул с шоссе. В открытые окна полезла пыль. Сквозь деревья я увидел маленькую реку с узким пляжем и деревянную лестницу, на которой сушились перевёрнутые лодки. За воротами стояли щиты с нарисованными спортсменами. У бегуна на крайнем щите откололась щека, и из белой дырки торчала пакля. Саша первым заметил бегуна, но ничего не сказал. У него было такое серьёзное лицо, что я забрал наконец пакет и разрешил ему нести мой транзистор.

Нас высадили у столовой. Вожатые перекрикивали друг друга, чемоданы складывали прямо на траву. Низкая женщина в белом халате трогала детям лбы и спрашивала про горло. Мальчик передо мной попытался скрыть кашель. Женщина дождалась, пока он выкашляется, и увела к столу под навесом. Сашу тоже попросили подойти: в дороге его укачало. Я остался рядом, хотя наш отряд уже двигался к корпусу. Из автобуса вытаскивали последнюю сумку, кто-то потерял панамку. Мне казалось, все видят, что я опять приставлен к маленькому.

Женщину звали Галина Фёдоровна. Она дала брату воды, послушала его и сказала, что всё пройдёт после обеда. Потом спросила, не теряется ли он в незнакомых местах. Я ответил за него: не теряется. Саша посмотрел на меня с благодарностью, от которой стало ещё неприятнее. Медсестра велела нам обоим показать руки. У меня под ногтями оставалась чёрная краска: вчера помогал соседу красить велосипед. Она попыталась оттереть пятно влажной ваткой, безуспешно, и махнула рукой. Только тогда я заметил у неё на запястье узкий кожаный ремешок без часов. На внутренней стороне ремешка было что-то выдавлено, но прочесть я не успел.

В старшем отряде оказалось несколько знакомых по прошлому лету. Федя встретил меня у крыльца и сразу спросил, привёз ли я батарейки. Я привёз четыре, спрятанные в носках. Мы

договорились никому не давать радио до вечера. Вожатая Ира провела нас в спальню, где пахло краской, влажными матрасами и сиренью из банки. Сирень уже засохла, листья скрутились, но банку забыли убрать с подоконника. Я выбрал кровать возле двери. Федя занял соседнюю, а третью успел захватить незнакомый рыжеватый парень с длинными пальцами. Он представился Лёней и спросил, можно ли у нас курить за корпусом. Федя сказал, что можно, если есть лишняя путёвка на случай выселения. Лёня обиделся и долго расправлял одеяло, показывая, что шутка ему безразлична.

После обеда нам поручили вынести из кладовой сломанные декорации. К завтрашнему открытию смены собирались освободить клуб. Два старших мальчика таскали фанерные волны, я с Федей разбирал ящик с проводами. В глубине стоял чемодан без ручки. Его открыли, чтобы проверить, не остались ли внутри гвозди, и сверху вывалился красный шнур с кистями. Под ним лежал горн. На раструбе была вмятина, похожая на след большого пальца, а медь покрывали тёмные пятна. Лёня поднял его двумя руками и тут же поднёс к губам.

- Не дуй, - сказал мужчина от двери. - Там мыши зимовали.

Лёня отнял мундштук. Мужчина подошёл, взял горн и заглянул внутрь. У него были коротко остриженные волосы и рубашка с закатанными рукавами. Ира назвала его Валерием Павловичем и спросила, годится ли находка для линейки. Он ответил, что сначала вымоет. Я заметил, как он провёл пальцем по вмятине и задержался на ней. Потом обернул горн старой занавеской, отнёс на сцену и положил возле пианино. Из инструмента высыпались сухие крошки, хотя мышиного гнезда я не увидел.

Вечером я нашёл Сашу у умывальников. Он держал чужое полотенце и ждал, когда придёт хозяин. Своё уже успел повесить на крючок с номером кровати. Мне пришлось выслушать, кто спит рядом с ним, кому не хватило подушки и какая у них вожатая. Потом он спросил, приду ли я после отбоя. Я сказал, что после отбоя ходить нельзя. Он кивнул и сразу начал рассказывать про ласточку под крышей. Я видел, что ему трудно остановиться: пока он говорил, я стоял рядом. В конце концов я сослался на Иру и ушёл, хотя она меня не звала.

У клуба на ступеньках сидела девочка и рисовала на обратной стороне шахматной таблицы. Её звали Аня, мы были из одной школы, но прежде почти не разговаривали. На рисунке стоял наш корпус, только окна она оставила пустыми. Я спросил, почему нет занавесок. Она показала карандаш с обломанным грифелем и попросила нож. Пока я точил, из клуба донёсся короткий хриплый звук. Валерий Павлович пробовал вымытый горн. Аня поморщилась, прижала таблицу к коленям. На втором звуке из-под козырька слетела ласточка и, ударившись о стекло, упала на ступеньку.

Мы наклонились одновременно. Птица дышала открытым клювом, на белой грудке выступила красная точка. Аня подставила ладони. Валерий Павлович вышел на крыльцо с горном, посмотрел на нас и велел положить ласточку в коробку. Ира принесла коробку из-под печенья. Пока Аня выстилала её травой, птица перестала двигаться. Мне хотелось сказать что-нибудь об обычных случаях, о чистом стекле, которого она не заметила. Слова получались глупыми. Валерий Павлович стоял с горном под мышкой и смотрел на темнеющий лес за футбольным полем. Вдавленная медь тускло поблёскивала возле его локтя. Я запомнил этот блеск, хотя тогда ещё не понимал, зачем смотрю.

Глава 2

Ответ из спальни

Ира разрешила нам оставить окна открытыми. За день спальня нагрелась, на стене над выключателем темнели отпечатки ладоней. Кто-то сдвинул кровати, чтобы играть в карты, и теперь приходилось переставлять их обратно, стараясь не греметь ножками. Лёня оказался рядом со мной. Он выложил на тумбочку расчёску, часы, маленькую жестяную коробку и паспортную фотографию в прозрачном кармашке. Я успел увидеть женщину в очках. Лёня заметил мой взгляд, перевернул фотографию и сказал, что это для анкеты. Я не стал спрашивать, почему на анкету нужна фотография матери.

Потом он всё-таки открыл жестяную коробку. Внутри оказались две засохшие ириски, запасной ремешок от часов и маленькая плоская отвёртка. Федя попросил инструмент для радио. Лёня дал, сначала предупредив, чтобы не сломали, потом сам подошёл помогать. Мы сидели на полу между кроватями, потому что на одеяле терялись винтики. Он долго рассказывал, как научился паять, путал названия деталей и сердился, если его поправляли. Я думал, что он, наверное, будет надоедать нам всю смену. Только когда всё началось, вспомнил, как он придерживал пальцем крышку, пока я закручивал винт. Палец у него скользил, но Лёня не отнимал руку: хотел быть полезным, хотел остаться рядом. Я тоже когда-то так знакомился, просто успел забыть собственную неловкость. В тот вечер не попросил его отойти. Мы собрали радио втроём, и Лёня принял это за обещание дружбы, которое я ещё не успел ему дать.

Федя спрятал радио под подушку. Передавали концерт, сквозь музыку сыпался треск. Мы слушали вчетвером, наклонившись к его кровати. Лёня сначала делал вид, что ему неинтересно, потом попросил повернуть регулятор. Он умел находить станцию без долгого свиста. По его словам, дома у них стояла большая радиола, которую отец привёз из командировки. Через пять минут выяснилось, что командировка была у дяди, а радиола стояла в комнате двоюродной сестры. Никто его не уличал. Он сам поправлял подробности, всё больше путаясь, и я начал рассказывать, как однажды спалил соседский усилитель, чтобы разговор наконец перешёл на другое.

За окном шуршала трава. Вдоль стены проходили маленькие с фонариком: их вожатая вела к туалету. Саша шёл последним. Я узнал его по привычке держать руку на животе, когда мёрзнет. Он увидел меня у окна и поднял ладонь. Я показал на дверь: иди со всеми. Федя спросил, кто это, и я сказал, что брат. Лёня тут же начал объяснять, как трудно иметь младшего. Сам он был единственным ребёнком. Я почувствовал злость и с неожиданным удовольствием перебил его: иметь младшего не трудно, трудно слушать чужие советы. Он замолчал. Мне стало легче ровно на секунду.

Ира заглянула перед отбоем, проверила, нет ли мокрых полотенец на батареях, и забрала карты. Они всё равно были казённые, с печатью на рубашке, поэтому спорить никто не стал. Радио мы успели выключить. Она села на крайнюю кровать и сказала, что завтра будет тяжёлый день: открытие, осмотр комнат, распределение дежурств. Костю из соседней спальни назначили горнистом. Тот явился к нам с новым блестящим горном, выданным из спортивной, и потребовал уважения. Федя предложил уважать его утром, с полным желудком. Костя рассмеялся и ушёл. Старый горн, из чемодана, оставался у музыкального руководителя.

После выключения света говорили ещё долго. Кто-то жаловался на простыню, кто-то просил не скрипеть пружинами. За стеной смеялись девочки. Я положил под подушку наручные часы: без ремешка они терялись на тумбочке. Мама отдала их перед отъездом, потому что мне вечно не хватало времени собраться. На стекле шла длинная царапина, стрелку минут

иногда закрывала. Я поднёс часы к полоске света из окна. Было без четверти одиннадцать. Саша, должно быть, уже спал. Я обещал себе сходить к нему утром до зарядки.

Когда прозвучал первый сигнал, я решил, что Костя репетирует. Горн тянул одну ноту слишком долго. Она начиналась с дрожи и никак не заканчивалась, хотя у человека давно должен был кончиться воздух. Звук шёл со стороны футбольного поля. Разговоры стихли. На соседней кровати кто-то сел. В комнате стало слышно, как хлопает незакреплённая створка. Потом горн замолчал, и от этой внезапной тишины у меня заложило уши.

- Костя, ты дурак? - крикнул Лёня в окно. - Мы уже лежим!

Федя зашипел на него. За стеной открыли дверь, по коридору прошли быстрые шаги. Ира велела всем лечь. Она говорила шёпотом, но так резко, что даже Лёня не стал спорить. Через минуту появилась у нас и прикрыла оконные створки. Я спросил, почему закрывает, если жарко. Она сказала, что в соседнем отряде ребёнок испугался. При этом сама оглядывалась на стекло. Руку на ручке она держала до тех пор, пока я не отвернулся.

Второй сигнал прозвучал дальше, у умывальников. Теперь нота обрывалась на трёх коротких толчках. Я слышал, как из младшего корпуса кто-то ответил протяжным свистом. Ира выбежала в коридор. На её месте у нашей двери оказался Валерий Павлович. Он был в брюках и майке, без очков, которые носил днём. В руке держал связку ключей. Несколько секунд слушал, потом спросил, кто кричал в окно. Лёня признался с готовностью: ему хотелось, чтобы взрослый тоже рассердился на горниста. Валерий Павлович подошёл к его кровати и опустился на корточки.

- Как тебя зовут?

- Леонид. А что?

- Полностью.

Лёня назвал фамилию и отчество. Музыкальный руководитель заставил повторить, потом попросил показать язык. Мы засмеялись: решили, что он проверяет, не пил ли Лёня одеколон. Валерий Павлович не улыбнулся. Он велел тому лечь, укрыл одеялом, хотя Лёня возражал, и сказал, что утром зайдёт. Возле двери задержался, попросил нас больше никому не отвечать. Даже если будет казаться, что зовут именно нас. Объяснил это ночной игрой, которую кто-то затеял без разрешения.

Мне не понравилось слово «казаться». До тех пор я думал только о вредном Косте. Теперь представил, как он стоит за корпусом и примеривается к нашему окну. Лёня лежал на спине, разглядывая потолок. Я спросил, не страшно ли ему. Он сказал, что страшно ему было на прививке в первом классе, а сейчас просто хочется спать. Мы поговорили ещё немного. Он рассказал про женщину на фотографии: мать работала в парикмахерской и всегда стригла его слишком коротко. В лагерь он впервые поехал без двоюродной сестры. Я слушал, чтобы не оставлять его в тишине, и незаметно уснул.

Утром Лёня первым поднялся с кровати. Он долго искал тапочки, хотя они стояли под ногами. Я поздоровался. Он повернулся ко мне, улыбнулся вежливо, как вчера в автобусе, и спросил, не знаю ли я, кому принадлежит фотография на его тумбочке. Я решил, что он продолжает ночную шутку. Напомнил про парикмахерскую, про сестру. Он взял фотографию, приблизил к глазам. Пальцы его слегка дрожали. Из коридора Ира крикнула, чтобы Грачёв не задерживался. Лёня не отозвался. Я дотронулся до его плеча и сказал, что зовут его. Тогда он посмотрел на меня с такой растерянностью, что я сам встал с кровати.

Глава 3

Чужая подпись

За завтраком Лёня держал ложку правильно, солил кашу без напоминания и первым заметил, что нам недодали хлеб. Он не казался больным. Когда Федя попросил подвинуть сахарницу, передал её и даже пошутил насчёт муравьёв в клубничном варенье. Но на своё имя поворачивался только после паузы. Смотрел сначала на человека, который произнёс его, потом по сторонам. Я успел проследить это несколько раз, прежде чем он заметил мой взгляд и попросил перестать. Попросил спокойно, от чего мне стало особенно неловко.

Федя попытался перевести разговор на вчерашний ремонт. Показал, как лежит отвёртка, спросил, не забыли ли вернуть. Лёня сразу полез в карман и достал её. Обрадовался, что вопрос оказался простой. Он знал, где инструмент, знал, кому давал, помнил нашу возню на полу. Федя хотел пошутить, что значит, всё помнит, но я толкнул его ногой. Лёня заметил и поблагодарил меня взглядом. Потом долго вертел отвёртку, проверяя ногтем зазубрину на ручке. Сказал, что вещь, наверное, хорошая, раз он взял её с собой. Я понял, чем отличаются его знания от памяти. Он мог назвать назначение любого предмета и объяснить вчерашние события. Только не мог почувствовать, почему выбрал именно эту отвёртку, зачем берёг коробку, кого хотел порадовать. Вокруг оставалось множество понятных вещей, с которыми его больше ничего не связывало. Я не сумел бы тогда объяснить это такими словами. Просто перестал просить его вспоминать посильнее.

Валерий Павлович пришёл к нашему столу, когда мы уже собирали тарелки. Рядом стояла Галина Фёдоровна. Она спросила Лёню, хорошо ли он спал, не болела ли голова, не падал ли вчера. Он ответил на всё по порядку. Медсестра положила перед ним листок и карандаш. Надо было написать домашний адрес. Лёня взял карандаш и сразу вывел название города. Дальше задержался, морща лоб. На бумаге появилась улица, потом дом и квартира. Я успел подумать, что всё обошлось. Он перечитал написанное и спросил, это ли ей было нужно. По его голосу было ясно: адрес он помнит как строчку из учебника, а представить дом не может.

Галина Фёдоровна увела его в медпункт. Валерий Павлович остался и попросил меня рассказать вчерашний разговор. Меня раздражало, что взрослые собираются сделать из нас свидетелей какой-то глупости, но я повторил слова Лёни в окно. Федя подтвердил. Музыкальный руководитель спросил, кто свистел в младшем корпусе. Этого мы не знали. Я сразу вспомнил Сашу, его неумение свистеть и красные губы после долгих попыток. В животе стало холодно. Мне хотелось побежать к маленьким, однако Валерий Павлович ещё спрашивал про время. Я показал часы. Они остановились ночью, стрелки стояли на одиннадцати. Я не завёл их перед сном. От собственной забывчивости почему-то стало стыдно.

Сашу я нашёл на спортивной площадке. Его отряд делился на команды для эстафеты. Брат стоял в конце шеренги и прятал в кулак зелёную сливу. Увидев меня, оживился. Сказал, что слива с земли, что есть её не собирается и что вожатая уже знает. Я спросил, слышал ли он ночью горн. Он кивнул и рассказал, как один мальчик пытался подражать сигналу. Его звали Женя, он занял кровать у окна. Потом пришла Галина Фёдоровна и увела его. Саша думал, у Жени заболело ухо. Я попросил брата никогда не отвечать ночью. Он спросил, даже если позову я. Мне пришлось сказать, что ночью я звать не буду.

Мы стояли у сетки. За ней старшие играли в волейбол, мяч то и дело ударялся о столб. Саша крутил сливу, оставляя на пальцах влажные следы. Он хотел знать, почему нельзя ответить, если человек зовёт. Я сказал, что кто-то разыгрывает детей. Брат сразу успокоился: в розыгрышах он привык полагаться на меня. Мне показалось, я его обманул, хотя другого объ-

яснения у меня не было. Перед уходом я разрешил ему вечером прийти к нашему корпусу. Он спросил, можно ли будет послушать радио. Я обещал, если не пойдёт дождь.

Открытие смены началось позже обычного. Костя с блестящим горном стоял возле флагштока и непрерывно облизывал губы. Я подошёл и спросил, зачем он играл ночью. Он так удивился, что я сразу поверил: это был не он. Новый горн на ночь запирали в спортивной, ключ оставался у физрука. Костя не любил, когда кто-нибудь трогал его вещи, и предложил показать мундштук: на нём сохранилась бумажка, которой он обернул металл после обеда. Пока мы спорили, из столовой вышел начальник лагеря. Роман Борисович носил светлые брюки и тёмный свитер даже в жару. Он остановился возле нас и поправил Косте узел галстука.

- Утро у нас утро, вечер у нас вечер, - сказал он. - Ночью горнов быть не должно. Разберёмся.

Он произнёс это легко, как обещание починить кран. На линейке пожелал нам дружбы, смелости и хорошей погоды. Дети хлопали, Костя сыграл, флаг пополз вверх. Я смотрел на музыкального руководителя. Валерий Павлович стоял у края площадки и всё время трогал карман, в котором лежали ключи. Лёня на открытие не пришёл. Женю из младшего отряда я тоже не видел, хотя не был уверен, что узнал бы его среди остальных.

После линейки нам раздали поручения. Меня отправили в клуб рисовать вывеску для музыкальной комнаты. Аня уже сидела там на полу, расставив банки с гуашью. Ласточку мы вчера вынули из коробки и закопали за сценой, возле корней рябины. Теперь на её коробке лежали кисти. Я сказал, что коробку лучше выбросить. Аня посмотрела на неё, убрала кисти и вынесла в мусор. Вернувшись, спросила, что случилось с рыжим из нашей спальни. Слух уже прошёл по лагерю. Говорили, будто Лёня проснулся и заговорил на иностранном языке. Я рассказал правду, насколько сам понимал.

Аня долго отмывала одну кисть. Потом сказала, что видела его возле медпункта: он попросил у неё лист бумаги, написал имя и пытался повторить его шёпотом. Внутри собственного рассказа я впервые услышал, насколько это страшно. Человек мог сказать, как зовут соседей, назвать столицу, объяснить, как устроено радио, но имя на бумаге не возвращало ему себя. Мы сидели над вывеской, боясь произнести что-нибудь лишнее. В конце концов Аня предложила отнести ему альбом. В нём можно было рисовать то, что вспоминается.

Нас пустили в медпункт после обеда. Лёня сидел у окна с заправленным одеялом на коленях. Он узнал меня, вспомнил ночное радио, даже назвал передачу. Я успел обрадоваться. Потом он показал на кармашек с фотографией и сказал, что эта женщина, наверное, должна за ним приехать. Его рука сама разглаживала уголок снимка. На указательном пальце остался белый след от бумажного края. Аня дала ему альбом. Он поблагодарил и подписал первую страницу: «Леонид Грачёв». Буквы вышли уверенные, привычные, ни одной помарки. Он посмотрел на них и спросил у меня, похожа ли подпись на настоящую.

Глава 4

Мать Грачёва

Мать Лёни приехала после обеда во вторник. Её вызвали по телефону из конторы, и она успела на служебную машину комбината. Мы сидели на скамейке возле медпункта, когда по дорожке быстро прошла женщина в сером платье. Одну туфлю она несла в руке: на каблуке болтался оторванный ремешок. Вторую сняла уже на крыльце. Я узнал её по фотографии, хотя здесь она выглядела моложе. У неё были мокрые от пота виски и красный след от очков на переносице. Она даже не спросила, где сын. Вбежала внутрь, оставив туфли у ступеньки.

Мы с Аней собирались уйти, но из окна донёсся голос Лёни. Он сказал: «Здравствуйте». Следом что-то упало. Я услышал, как женщина переспросила, потом заговорила очень быстро, понижая голос. Разобрать можно было только ласковое «Лёнька» и название улицы, которую он писал утром. Он ответил тише. Я наклонился за туфлями и поставил их на край крыльца, чтобы не смотреть в окно. Аня отвернулась к дорожке. За кустами кто-то играл в бадминтон, волан то и дело перелетал через низкую ограду. Мы стояли рядом и ждали, хотя никто нас не просил.

Галина Фёдоровна вышла минут через десять. Велела нам идти на полдник, но я попросил поговорить с женщиной: я спал рядом с её сыном, знал, как всё началось. Медсестра посмотрела на меня устало. Сказала, что мать уже выслушала ночную историю, что Лёню нужно показать в больнице и что от рассказов ему сейчас лучше не станет. На белом кармане халата у неё темнела мокрая полоса. Я догадался, что это след чужих пальцев. Мне хотелось извиниться за то, что заставляю её стоять, однако я всё равно спросил, бывало ли такое раньше. Она потянула кожаный ремешок на запястье и не ответила.

Ближе к вечеру Лёня сам вышел к нам. В руке держал альбом Ани. Мать шла сзади, уже в починенных туфлях: кто-то стянул ремешок ниткой. На крыльце Лёня остановился и спросил, в каком корпусе оставил расчёску. Я предложил принести его вещи. Он сказал, что расчёска нужна сейчас: волосы лезут в глаза. Мать полезла в сумку за своей, выронила кошелёк и начала собирать монеты с земли. Лёня присел рядом, помог. Он делал всё бережно, подал ей сумку, стряхнул прилипший лист. Потом спросил, не тяжело ли ей будет нести его чемодан. По лицу женщины я понял, что эта вежливость причиняет ей боль сильнее любого крика.

Я пошёл с ним за вещами. Мать осталась у конторы подписывать бумаги. Роман Борисович не выпускал её без разговора: хотел дать адрес врача, объяснить дорогу, предложить машину на утро. Он говорил разумные вещи, а женщина всё время косилась на дверь. В спальне Лёня сразу нашёл свою кровать. Открыл чемодан, сложил рубашки, не забыв бумажку, которой перекладывал воротник. Я напомнил про фотографию. Он обрадовался: правда, чуть не оставил. Пока убирал кармашек, я спросил, чувствует ли он что-нибудь, когда смотрит на мать. Он несколько секунд молчал, потом сказал, что ему её жалко. Она старается держаться, а он не знает, как ей помочь.

- Ты вчера рассказывал, как она тебя стригла, - сказал я. - Сразу видно, что твоя мама.

- Я понимаю, что моя. Вы все говорите. Я же не спорю.

Он прижал ладони к чемодану, чтобы закрыть тугие замки. Под ногтем большого пальца была маленькая царапина. Я помнил, как ночью он чесал ею подбородок. Это казалось несправедливо: такая мелочь осталась, а женщина, которая вырастила его, сделалась незнакомой. Я предложил оставить радио у его кровати до приезда машины. Лёня сказал, что домой они поедут сегодня, на попутной. По голосу было слышно, что он говорит о поездке в какое-нибудь учреждение. Я не нашёл больше ничего полезного и понёс чемодан.

Мать ждала у ворот. Роман Борисович договаривался с водителем грузовика, который привёз хлеб. Женщина заметила нас, подошла к сыну и взяла его за руку. Лёня не отстранился. Спросил, где лучше сесть, у окна или посередине. Она сказала, что посадит его у окна, и внезапно заплакала. Не громко, почти сердито. Он неловко повернулся ко мне, будто я мог объяснить, как следует поступить. Потом погладил её ладонь тем же движением, каким ночью разглаживал фотографию. Женщина перестала говорить и прижала его пальцы к щеке.

Когда грузовик уехал, начальник лагеря попросил нас не разносить слухи. Взрослые, сказал он, разбираются. Нервное переутомление бывает у вполне здоровых людей, особенно после дороги и смены обстановки. Аня спросила про Женю. Роман Борисович ответил, что мальчик уехал с отцом и чувствует себя удовлетворительно. Я спросил, почему Валерий Павлович проверял Лёню ещё ночью, до всякого переутомления. Начальник поправил ворот свитера, хотя вечер был тёплый. Сказал, что музыкальный руководитель мнительный человек и нам с ним лучше сейчас не обсуждать медицинские вопросы.

У конторы ждал мальчик с перевязанным ухом. Он слышал весь разговор. Когда начальник ушёл, спросил, может ли от чужого крика заболеть голова. Я хотел ответить, что нет, потом остановился. После вчерашней ночи мне было трудно уверенно говорить даже о простых вещах. Спросил, что у него случилось. Оказалось, в спальне ребята весь день дразнили друг друга горном: прикладывали кулаки ко рту и тянули одну ноту. Маленький боялся, что уже ответил, потому что засмеялся. Я объяснил, что они слышали обычных детей. Он долго смотрел на меня, решая, можно ли верить. Тогда я отвёл его к Ире и попросил поговорить с младшими без страшных подробностей. Мне стало ясно, как быстро из настоящей беды получается игра, в которой каждому достаётся свой лишний страх. Одними запретами теперь было не обойтись. Нужно было ещё вернуть детям возможность различать шутку и то, что случилось с Лёней.

Валерия Павловича мы встретили возле клуба. Он нёс новый горн Кости, а в другой руке держал ключ от музыкальной комнаты. Я рассказал про разговор у ворот. Мужчина выслушал, сел на ступеньку и спросил, что Лёня говорил перед отъездом. Ему нужны были подробности: узнавал ли кровать, понимал ли, что едет домой, как обращался к матери. Аня передала всё почти дословно. Валерий Павлович снял очки, потёр глаза. Он сказал, что утром разрешили пользоваться только новым горном, а старый убран. Я спросил, убран ли он надёжно. Мужчина посмотрел на ключ в своей ладони и кивнул, но взгляд у него был такой, словно вопрос я задал не о замке.

Мы разошлись до вечернего построения. Я забрал Сашу у маленьких и повёл к реке, на верхнюю дорожку, откуда был виден пляж. Пообещал, что послушаем радио после ужина. Брат спросил про рыжего мальчика, который нёс чемодан. Я сказал, что заболел. Саша сжал мой рукав и долго шёл молча. Потом вспомнил, как весной я лежал с температурой, и начал пересказывать, что приносил мне в кровать. Назвал чашку с отбитой ручкой, яблоко, мокрую тряпку. От этой точности у меня сдавило горло. Я впервые за день взял его за руку сам и не отпустил, пока мы не вернулись к корпусам.

Глава 5

Вторая линейка

К вечеру налетел короткий дождь. Земля не успела промокнуть, но на крыше столовой ещё долго щёлкали капли с веток. Радио мы слушали под крыльцом. Саша сел между мной и Федей, вытянув худые ноги в чужих сандалиях: свои оставил сушиться после лужи. Федя крутил ручку, ловил музыку, возмущался каждой помехой. Брат смотрел на него с восторгом. Он не понимал, зачем можно сердиться на маленькую коробку, из которой доносится настоящий оркестр. Я прикрыл ладонью ржавое пятно на сетке динамика, чтобы не было видно, какой у меня старый приёмник. Федя заметил и перестал жаловаться.

Аня принесла нам две непроданные открытки из киоска. На одной был цветок, на другой корабль. Их испортил дождь, и продавщица отдала бумагу для рисунков. Саша выбрал корабль. На обратной стороне Аня нарисовала ему маленького человечка в шлеме. Брат сразу решил, что это я, потому что шлем был похож на мой велосипедный. Аня спросила, умею ли я ездить без рук. Я хотел соврать, что умею, но Саша уже рассказал, как я въехал в забор и погнул переднее крыло. Все смеялись. Я тоже, хотя ещё утром разозлился бы на него за этот рассказ.

Вожатая младших позвала Сашу надевать сухие сандалии. Он ушёл с открыткой, прижимая её к груди под рубашкой. Я остался с Аней. Она спросила, умею ли я вырезать из дерева, и показала сломанный карандаш. По её словам, грифель внутри раскрошился, точить больше нельзя. У меня был короткий запасной, я принёс из спальни. Вернувшись, увидел возле музыкальной комнаты Романа Борисовича. Начальник говорил с Валерием Павловичем и держал в руке старый горн, завёрнутый уже в другую тряпку. Ткань была белая, с синим больничным краем.

- Заберу к себе, - сказал он. - Хватит вокруг него ходить.

Валерий Павлович хотел что-то возразить. Начальник не дал: сказал, что инструмент пролежал в кладовой неизвестно сколько лет, что никакой справки о связи горна с самочувствием детей нет и что о заражении его спрашивать бесполезно. В конце разговора назвал музыкального руководителя Валерием, без отчества. От этого их разница в возрасте внезапно стала заметнее. Валерий Павлович опустил руки и пропустил его в контору. Мне показалось, он сейчас пойдёт следом. Вместо этого остался на дорожке, глядя на мокрую ткань, исчезнувшую за дверью.

Ира подошла к нам и сказала, что вечернюю линейку перенесли: после дождя нужно проверить территорию, старшие помогут малышам собрать вещи с верёвок. Мы ходили между корпусами с охапками полотенец. На листьях блестела вода, запах сосновой коры стал резким. Саша из своего окна показал мне открытку, уже приколотую над кроватью. Я поднял палец: хорошо. Он открыл форточку, хотел что-то спросить, но вожатая позвала его переодеваться. Тогда он просто улыбнулся. Позже я много раз возвращался к этой минуте и пытался придумать, что сделал бы, задержись у окна. В ту минуту я только хотел поскорее отнести полотенца и сесть рядом с Аней.

У веранды младшего корпуса на скамейке лежали вырезанные из картона кружки. Их собирались раздать дежурным по столовой: красный означал, что стол накрыт, белый, что нужно принести воду. Вожатая просила детей поднимать кружок и отвечать, если старший зовёт из дверей. Я проходил мимо и почти не слушал, потому что торопился к нашему корпусу. Только вечером вспомнил этот разговор. Сашу весь день учили замечать обращение к нему и отзываться вовремя. Он очень старался, боялся оказаться невнимательным при остальных. Я предупреждал его про ночную шутку, а потом обычный лагерный день снова делал ответ естественным, правильным поступком. Это никого не оправдывало и не объясняло самого горна.

Но мне пришлось перестать задавать брату вопрос, который хотелось повторять без конца: зачем он всё-таки отозвался? Он был ребёнком среди взрослых правил. В тот вечер одно из них оказалось важнее моего невнятного предупреждения.

Построения не было и в девять. Флаг опустили без музыки, детей начали разводить по корпусам. Из младшего отряда ещё слышались голоса: они заканчивали настольную игру на веранде. Я помогал Феде чинить замок чемодана. Он попытался открыть его ножом, соскользнул и порезал ладонь. Крови было мало, зато на светлом одеяле осталось пятно. Мы побежали к Галине Фёдоровне. Медсестра перевязывала руку, когда за открытой дверью послышался горн. Звук был негромкий, словно доносился издали, с речного берега. Я сразу узнал ночную дрожь, хотя мелодия теперь походила на обычный сбор.

Галина Фёдоровна уронила ножницы. Не наклоняясь за ними, спросила, где дети. Федя показал рукой на корпус, но она уже бежала к двери. Я бросился следом. Вдалеке между соснами шли маленькие, ещё не строем, просто выходили с веранды на дорожку. Их вожатая пыталась остановить. Костя выбежал из спортивной с пустыми руками. Он кричал, что не играл. У меня в голове всё ещё держалась мысль о перенесённой линейке. Даже теперь, когда я знал, что это за звук, я несколько шагов бежал к площади, потому что туда полагалось идти на сбор.

Сашу увидел возле щита с бегуном. Он стоял один, босой: сандалии так и остались в комнате. Я схватил его за плечи и спросил, отвечал ли он. Брат удивился. Сказал, что сказал «сейчас», потому что думал, снова собирают. Ведь отбоя ещё не было. Я закрыл ему рот ладонью, слишком сильно, он отпрянул и заплакал. Соседняя девочка остановилась возле нас. Я хотел накричать на неё, велеть уйти, хотя она ничего не сделала. Саша держался обеими руками за мою рубашку и просил, чтобы я перестал. Тогда я понял, что пугаю его сильнее горна.

Галина Фёдоровна посадила брата на скамейку. Он ещё икал от слёз. Она попросила назвать имя, домашнюю улицу, любимую еду. Саша ответил правильно, но я видел, как медсестра вслушивается в каждое слово. Валерий Павлович прибежал от конторы. В руке у него была та самая белая тряпка. Роман Борисович вышел следом и приказал всем разойтись. Он говорил, что звук шёл от дороги, что за лагерем могли играть туристы. Музыкальный руководитель повернулся к нему, хотел показать ткань, но увидел Сашу и подошёл к нам. Тряпка была пустой, с круглым влажным следом посредине.

Брата оставили на ночь в медпункте. Я просил поставить мне раскладушку рядом, но Роман Борисович велел идти к своим: в палате нужен покой. Галина Фёдоровна сказала, что посидит с ним до утра. Она дала Саше карандаш и лист бумаги. Он нарисовал наш дом, маму у окна, маленькую собаку, которую мы однажды подобрали и не смогли оставить. Потом написал своё имя. Я наблюдал из дверей. Брат посмотрел на надпись, добавил внизу мою и спросил, правильно ли у меня получается большая буква. Он никогда не умел писать её красиво. Я сказал, что правильно, и попросил не ложиться, пока я не вернусь. Мне нужно было только принести ему корабль с человечком.

Глава 6

Утро без Саши

Ира нашла меня в спальне, когда я вытряхивал из Сашиного мешка с бельём всё подряд. Открытки там не было. Она висела над его кроватью, но я успел забыть это от волнения. Вожатая остановила меня, сама сходила к младшим и принесла бумажный корабль с нарисованным человечком. Снизу Саша успел дописать: «Мой брат». Слова шли вверх, не помещаясь в строку. Ира посмотрела на надпись, отвернулась к окну и сказала, что проводит меня в медпункт. Уже на дорожке предупредила: если Галина Фёдоровна не пустит, спорить не надо. Я сказал, что буду спорить.

Медсестра пустила. Саша сидел на высокой кровати, болтая ногами. Ему дали рубашку из изолятора, белую, с оборванной завязкой. Он ждал открытку. Когда я вошёл, улыбнулся и сказал: «Ты долго». Мне стало так хорошо, что я чуть не засмеялся. Я сел рядом, показал корабль, поправил ему ворот. Он стал рассказывать, что медсестра разрешила не есть манную кашу, если утром не захочется. За стеклом в двери стояла Ира. Галина Фёдоровна перебирала пузырьки у стола, но, думаю, не читала ни одной этикетки. Мы все слушали брата.

Я спросил, как его зовут. Он поднял глаза, улыбка сползла с лица. Сказал: «Ты же знаешь». Я повторил вопрос. Саша взял открытку обеими руками и долго смотрел на буквы. Потом спросил, можно ли сказать фамилию. Я кивнул, хотя она мне была не нужна. Он назвал нашу фамилию правильно и сразу добавил, что это мы так говорим дома. В имени он уже сомневался. Галина Фёдоровна подошла, положила ладонь ему на макушку и сказала, что сейчас не нужно стараться. Я едва сдержался, чтобы не оттолкнуть её руку. Брат чувствовал мою злость и опять начинал плакать.

Ночью я лежал на раскладушке в соседнем кабинете. Мне разрешили остаться после того, как Саша отказался отпускать мою рубашку. Через приоткрытую дверь я видел край его одеяла. Медсестра сидела с вязанием, которое почти не продвигалось. Ни горна, ни шагов снаружи больше не было. В полночь брат попросил воды и назвал меня по имени. Я встал слишком быстро, ударился коленом о стол. Он засмеялся сонно, так же, как дома. Я хотел сесть возле него и говорить до утра, но он уже заснул с чашкой в руке. Галина Фёдоровна взяла чашку, укрыла его и попросила дать поспать.

Утром он меня не узнал. Вернее, узнал лицо, помнил, что я вчера приносил открытку, однако от слова «брат» отвёл глаза. Ему было неловко: я ждал чего-то важного, а он не мог мне этого дать. Он знал, как зовут маму, мог описать кухню, помнил таблицу умножения, но рассказывал обо всём без прежних остановок и маленьких обид. Сказал, что мальчик на корабле, наверное, космонавт. Я напомнил про велосипедный шлем, про забор. Он внимательно выслушал, даже улыбнулся. Я почувствовал желание ударить его, чтобы услышать настоящее возмущённое «Димка». От этой мысли меня затошнило. Пришлось выйти к умывальнику.

Аня нашла меня там. Я сидел на корточках, спрятав лицо в мокрое полотенце. Она не стала утешать. Поставила рядом стакан воды, принесённый из столовой, и села на пустой ящик. Я рассказал ей про злую мысль, сам не понимая зачем. Она сказала, что однажды во время болезни матери злилась на неё за то, что та долго ходит по коридору и не даёт спать. Мне стало немного легче от чужого признания. Потом я рассердился и на это облегчение: мой брат сидел в палате, а я радовался, что оказался не самым плохим человеком на свете. Аня дала мне допить воду и забрала мокрое полотенце, потому что я начал тереть им губы до крови.

Я пошёл к младшим собрать его вещи. На Сашиной кровати лежала чужая панамка, под подушкой нашлась вторая, его собственная. Брат прятал её туда, чтобы утром не искать. В мешке с бельём оказались два одинаковых левых носка. Я хотел попросить вожатую найти пару,

потом понял, что сам накануне складывал всё в темноте. Девочка с соседней веранды принесла Сашин красный карандаш, мальчик отдал кусок мела: они строили город на асфальте. Каждый знал о нём что-нибудь маленькое, чего я прежде не замечал. Один сказал, что Саша умеет долго стоять на одной ноге, другой пожаловался, что он всё время загораживает солнце, когда рисуют. Я слушал и впервые представлял брата без себя: как он знакомится, спорит, старается понравиться. Эта жизнь успела начаться всего за полтора дня. Теперь я складывал её остатки в мешок и не знал, вернётся ли он когда-нибудь продолжать. Панамку положил сверху: солнце уже пригревало, и она могла понадобиться.

Роман Борисович вызвал машину и обещал сообщить маме. Я настоял, чтобы позвонили при мне. Из конторы долго пытались дозвониться до почтового отделения. Наконец начальнику ответили. Он назвал фамилию, попросил заведующую, потом сказал, что у ребёнка возникло болезненное состояние и необходима консультация. От этих слов я дёрнул телефонный провод. Он повернулся, прикрыл трубку и велел не мешать. Я отобрал её всё равно. На другом конце была незнакомая женщина. Она обещала найти маму: та разносила пенсии на дальнем участке и вернётся к обеду. Я продиктовал номер лагеря и сказал, что Саша не помнит нас. Начальник выдернул трубку из моей руки только после того, как я это произнёс.

В медпункт вернулись вместе с Валерием Павловичем. Музыкальный руководитель рассказал Галине Фёдоровне, что контору ночью закрывали. Начальник утверждал, будто сам перенёс горн в сейф, но сейф оказался занят документами, поэтому оставил его в шкафу. Утром шкаф открыли, внутри была одна ткань. Окно кабинета выходило на дорожку, форточка открывалась наружу. Следов взлома не нашли. Я слушал и понимал, что никто из взрослых больше не ищет шутника среди детей. Даже Роман Борисович, вошедший следом, не стал повторять про туристов.

Саша сидел у окна и завязывал на простыне узел. Дома он так делал, когда боялся заснуть в незнакомом месте: привязывал край одеяла к ножке кровати. Сейчас руки повторяли старое движение, а лицо оставалось спокойным. Я положил ладонь на узел и спросил, зачем он нужен. Брат пожал плечами. Сказал, что так надёжнее. Я ждал продолжения, объяснения, в котором мог бы его узнать. Он разгладил простыню, поднял на меня глаза и спросил, не мешает ли узел другим больным. Тогда Галина Фёдоровна вышла из палаты. Я впервые увидел, как она закрывает за собой дверь, чтобы мы не услышали её плач.

Глава 7

Ремешок без часов

Пока Галина Фёдоровна была в кабинете, я пытался разговорить брата. Начал с того, что мы знали вдвоём: зимой он разбил стекло в двери буфета и спрятал осколок под ванной. Мама заметила дырку только вечером. Я взял вину на себя, и потом Саша несколько дней приносил мне свои конфеты. Брат слушал внимательно. Спросил, не порезался ли мальчик. Я сказал, что мальчик был он. Саша посмотрел на пальцы, словно искал рубец, и ответил, что, наверное, нет, раз я не сказал про кровь. Он всё ещё умел рассуждать. Всё ещё боялся боли. Я цеплялся за эти мелочи, хотя понимал: они есть у любого ребёнка.

Аня принесла из столовой суп. Саша взял ложку, попробовал, потом осторожно отодвинул тарелку. Он не любил укроп, вылавливал зелень губами, делал вид, что ничего особенного. Сейчас проглотил первую ложку и только тогда поморщился. Я сказал, что можно не есть зелень. Брат удивился: как я узнал? Аня опустила глаза, начала собирать хлебные крошки в ладонь. Я попросил его ещё попробовать. Хотел доказать себе, что отвращение к укропу принадлежит именно ему. Он послушался и съел почти всё, хотя лицо у него было несчастное. После этого я перестал устраивать проверки.

Галина Фёдоровна вернулась с красными глазами, но говорила ровно. Нам с Аней она разрешила побыть ещё полчаса. Валерия Павловича попросила остаться в кабинете. Я слышал оттуда обрывки: «в семьдесят первом», «не тот случай», «тогда увезли». Потом дверь закрыли плотнее. Саша задремал. Я подложил ему под щёку край полотенца. Аня рисовала сидевшую на подоконнике муху: карандаш у неё почти не касался бумаги, рисунок выходил бледный. Я смотрел на её руку и пытался не слушать взрослых. Всё равно слышал медсестру. Она спрашивала, кто именно достал горн из чемодана и был ли внутри шнур.

Когда нас позвали, у Галины Фёдоровны на столе лежала тетрадь в коричневой обложке. Музыкальный руководитель держал её раскрытой, но сразу перевернул вниз страницами. Медсестра попросила меня сесть. Я ответил, что уже сижу, хотя стоял у двери. Она не поправила. Рассказала про мальчика, который отдыхал здесь шесть лет назад. Его привезли здоровым, а через неделю он перестал отзываться на имя. Родители забрали домой, возили к врачам. Часть памяти вернулась, но он долго считал свою жизнь чужой. Его мать присылала Галине Фёдоровне письма, последнее пришло прошлой зимой. В нём было написано, что сын впервые сам обнял отца.

- Шесть лет? - переспросил я.

Она кивнула. Я посмотрел на дверь палаты. В коридоре валялись Сашины мокрые сандалии, которые кто-то принёс из корпуса. От них пахло сырой кожей. Вдруг я понял, что брат может вернуться домой точно таким же, как сейчас, и мы будем ходить с ним по одной кухне год за годом. Он вырастет, научится не задавать вопросов, станет вежливым человеком. А тот, кто прятал осколок под ванной, так и не вернётся. Я начал спрашивать, где живёт этот мальчик, можно ли позвонить его родителям, что помогло. Галина Фёдоровна отвечала не на всё. Адрес обещала дать матери, а про помощь сказала, что важнее всего было не оставлять ребёнка одного.

Валерий Павлович рассказал, что прочитал тетрадь ещё прошлым летом. Это были записи прежнего завхоза. Между расходом белья и ремонтом крыши тот отмечал ночные сигналы. Сначала жаловался на хулиганов из посёлка. Потом писал о мальчике без имени, который появился возле сушилки. Из записи нельзя было понять, имел ли он в виду больного ребёнка или незнакомца. Галина Фёдоровна работала здесь уже тогда, но саму тетрадь нашла прошлым

летом, при разборе старых бумаг. Горн сочли потерянным. Чемодан с декорациями годами перекладывали с места на место и наконец вынесли из закрытого сарая.

Я спросил, почему медсестра не предупредила всех. Она посмотрела на меня долго, прямо. Сказала, что предупреждала начальника и врача комбината. Сама сомневалась, можно ли связывать болезнь со звуком. В прошлый раз горн больше не слышали после отъезда пострадавшего, и ей хотелось поверить, что всё объясняется иначе. Пока она говорила, я видел, как Валерий Павлович сжимает угол тетради. Он тоже хотел верить в болезнь. Я вдруг рассердился на их осторожность. Сказал, что они могут сколько угодно сомневаться, а я знаю, какой Саша был вчера.

Галина Фёдоровна не стала защищаться. Она сняла ремешок и положила передо мной. На внутренней стороне были выжжены две буквы: «Г. Ф.». Часы когда-то сломались, ремешок остался. Она носила его, чтобы не терять привычное ощущение на руке. Буквы выжгла сама много лет назад. Мне показалось, она собирается рассказать ещё что-то, но из палаты позвал Саша. Он спросил, можно ли встать. Медсестра взяла ремешок, застегнула и ответила ему уже обычным деловым голосом. Разговор закончился, хотя мы остались сидеть на своих местах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.